

Иеромонах Афанасий (Микрюков)

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВОСПИТАНИЮ И ОБУЧЕНИЮ В РУССКОЙ ПЕДАГОГИКЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматривается формирование теологического понимания образования и воспитания в построениях российских педагогов сер. XIX в. Широко известны педагогические концепции Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского и др. крупных теоретиков, вместе с ними развивалась педагогика и в рамках русских духовных школ. К сер. XIX в. сложились благоприятные обстоятельства для появления обобщающих концепций, которые бы связывали вопросы теологии и образования на основе широкого ценностного фундамента, являемого православием. Рассмотрены концепции теологии образования архиеп. Евсевия (Орлинского), С. С. Гогоцкого, П. Д. Юркевича и прот. С. А. Соллертинского, отмечены их историческое и теоретическое значение. Показано, что архиеп. Евсевий (Орлинский) определил значение нравственно-богословского фундамента образования. С. С. Гогоцкий и П. Д. Юркевич рассмотрели вопросы связи педагогики с рядом богословских проблем; наконец, прот. С. А. Соллертинский связал вопросы педагогики с психологией религиозности. Данные концепции, развиваясь представителями русской религиозной мысли, выходили за пределы непосредственных практических интересов богословских школ, что позволяет рассматривать их как универсальные теологические концепции образования.

Ключевые слова: теология, педагогика, образование, школа, воспитание, теория, православие, нравственность, ценности, духовность,

Формирование педагогики как специальной научной и образовательной дисциплины, иными словами — ее институционализация в образовательном пространстве российской высшей школы, приходится на 2–3 четв. XIX в., когда в программы как университетов, так и духовных школ вводится «педагогия» и формируется штат преподавателей, которые разрабатывают теоретический фундамент данной дисциплины. До этого сведения, сообщаемые в рамках различных программ «педагогии», или «правил воспитания», если не основывались на переведенных еще в XVIII в. Локке и Фенелоне (О воспитании, 1760; О воспитании, 1763), состояли в своеобразной антропологии, тесно связанной с тем вариантом психологии, базирующемся на Аристотеле и Хр. Вольфе, что доминировал в российских духовно-академических учреждениях.

Представление о ней дает «Опыт о воспитании в первых его понятиях и правилах» архиеп. Антония (Знаменского), где педагогика определяется следующим образом: «Умозрение науки воспитания есть приснарвление всецелого умозрения о Зиждителе и Промыслителе Боге, о богосозданной вселенной, о человеках и человеке к усовершенствованию существа и бытия человек и человека на земле относительно к цели их, и его, по крайней мере, понятия об оной» (Знаменский, 1821, 17). Таким образом, педагогика, по мысли автора, является непосредственным дериватом богословия, его, так сказать, прикладной частью, которая описывает человека в его земном бытии и значении этого бытия для вечности; при этом, в отличие от своего богословия, по существу откровенного, она имеет ввиду «истые науки», т. е. весь комплекс знаний, накопленный в ходе культурной жизни человека: она ведет к тому,

---

Иеромонах Афанасий (Микрюков Дмитрий Юрьевич) — аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия (afanasy.mikrukov@gmail.com).

чтобы «все истые науки сделались бы главами одной истинной науки человека-гражданина-христианина, так как и искусства токмо частными статьями единого искусства, облегчать труд подлунному странничеству, услаждая горести земли, и предуготовляться к грядущему Граду Божию» (Знаменский, 1821, 21–22).

В духовной среде вопрос о специфике педагогики был поставлен уже в 1860-х гг. прот. Иоанном Янышевым, преподавателем Санкт-Петербургской духовной академии. Рассматривая педагогику как отдел нравственного богословия [Плеханов, 2003, 81], он расширил пределы данного курса до того, что тот стал включать вопросы воспитания и образования. Такой подход весьма характерно показывает развившуюся потребность в институционализации этой дисциплины [Бронзов, 1901, 161].

Примечательное исключение составляет архиеп. Могилевский Евсевий (Орлинский), разработавший систему педагогики в трактате «О воспитании детей в духе христианского благочестия» (1844). Этот труд представляет собой полную систему педагогической психологии и методологии, рассматривающий вопросы воспитания и образования в весьма полном и обстоятельном освещении. Как отмечает Е. А. Плеханов, работа архиеп. Евсевия «представляла собой новый жанр педагогической литературы. Автор стремился очертить круг собственно педагогических проблем, к которым он относил вопросы о целях и задачах образования, о содержании обучения и воспитания, о наиболее эффективных способах и путях решения педагогических задач и другие» [Плеханов, 2003, 83]. Примечательно, что в центр данной концепции кладется именно универсальная ценностная основа, которая соединяет представление о развитии воспитания и образования с представлением о развитии духовной жизни. «Воспитание должно производить в человеке единство и гармонию, а потому низшее должно подчинить высшему, а высшее — высочайшему; гармония же должна согласовываться в временным и вечным назначением человека» [Каптерев, 2004, 270]. Именно работа архиеп. Евсевия, как мы увидим далее, оказала значительное влияние на разработку проблем педагогики и толкование как целей, так и содержания данной дисциплины, а также наметила ту связь педагогики с богословием, которая и теперь представляется плодотворной и значительной.

Архиеп. Евсевий определяет воспитание как «руководство человека к тому, чем он должен быть согласно с своим предназначением» (Орлинский, 1857, 11), которое состоит в достижении «единения с Богом в будущей жизни» (Орлинский, 1857, 27), поэтому «к воспитанию относится все то, посредством чего или пробуждаются еще дремлющие способности, или уже возбужденные силы направляются в согласии с целью. <...> Но в тесном смысле под воспитанием разумею *намеренное влияние на образование и благоороживание воспитанника*, посредством которого надобно доводить его до такого нравственного состояния, в котором он мог бы, без постороннего руководства, располагать собою согласно с своим временным и вечным предназначением» (Орлинский, 1857, 11–12). Стало быть, воспитание преследует нравственную и религиозную цели прежде всего, и осуществление религиозного призвания человека в рамках земной жизни является той высшей задачей, к которой должен направляться человек. Соответственно, с этой точки зрения различаются *воспитание* (образование способностей) и *обучение* (накопление знаний и умений) (Орлинский, 1857, 32). Фокус этих усилий, однако, один: «Все физические и нравственные силы человека должны быть так образуемы, чтобы они содействовали к возбуждению, подкреплению или обнаружению истинно христианской добродетели, или по крайней мере никогда не затрудняли и не ослабляли ее» (Орлинский, 1857, 38).

Состав принципов воспитания следующий (Орлинский, 1857, 35–58): 1. Образование должно быть полное; 2. Образование должно быть стройное; 3. Образование должно быть сообразно с природой; 4. Образование должно быть сообразно с личными особенностями воспитанника; 5. Образование надобно начинать рано и сообразовывать с возрастом воспитанника; 6. Образование должно совершаться постепенно и основательно; 7. Образованию должно помогать посредством руководства и упражнения детских сил; 8. Образованию должно помогать посредством поддержания их

веселости и соответствующих занятий; 9. Образование должно всегда иметь в виду сыновний страх Божий.

Таким образом, архиеп. Евсевий в своем обзоре непосредственно выводит процесс формирования нравственного сознания в процессе воспитания от личности воспитанника и его физической и психологической конституции к нравственному центру человека — вере в Бога, что на библейском языке выражается архиеп. Евсевием как «сыновний страх Божий», который служит первичным и действенным импульсом для сохранения себя от зла и внимания к религиозному долгу (Орлинский, 1857, 57).

Примечательной особенностью педагогической концепции архиеп. Евсевия является акцент на пробуждении самостоятельности воспитанника, поскольку «в том и состоит торжество хорошего воспитания, что оно так возбуждает силы юноши, так упражняет их и дает такое направление, что само мало по малу отстывает, и, наконец, оставляет юношу самому себе, с радостною надеждою, что он более не будет иметь нужды в пособиях воспитания» (Орлинский, 1857, 75). Это означает — заложить в воспитанника прочные основы его нравственного сознания, понимание религиозного и общественного долга.

Это заставляет обратиться к содержанию, которое становится доступно воспитаннику, — к *науке обучения*. Если смысл воспитания моральный, то суть обучения во многом практическая. Соответственно, если в случае образования педагог имеет дело с душой человека, которая сходно устроена у всех людей, то здесь проявляется индивидуальность учащихся, и теперь воспитатель, по словам архиеп. Евсевия, должен уподобиться ап. Павлу: «Как вселенский Апостол старался быть всем для всех, и потому младенцам по духу предлагал молоко, а взрослым — твердую пищу, так должен поступать и учитель» (Орлинский, 1857, 464).

Ближайшим образом, согласно автору, это означает, что учитель должен, с одной стороны, разнообразить свои подходы, с другой же — имеет возможность включать в изложение одного предмета сведения и моменты других, рассматривая их как бы с разных сторон, тем самым способствуя развитию гибкости мышления у учеников. «Учитель должен идти неодинаковым путем, смотря по тому, будет ли он иметь своею ближайшею целью образование памяти, разума, сердца, или какого-нибудь навыка» (Орлинский, 1857, 467).

Как и в области воспитания, в области обучения архиеп. Евсевий выделяет ряд принципов, которыми должен руководствоваться педагог, и эти принципы также являются теми требованиями, в свете которых оказывается возможной оценка качества обучения (Орлинский, 1857, 445–491): 1. Обучению надобно быть основательным; 2. При обучении всегда следует возбуждать собственную деятельность учеников; 3. Обучение следует сделать интересным и увлекательным; 4. Обучение должно быть приспособлено к конкретному уровню знаний учеников; 5. Обучение должно быть связано с частными целями воспитания; 6. При обучении ученикам следует сообщать ясные и определенные сведения; 7. При обучении следует предлагать основательные и убедительные принципы; 8. При обучении следует воздействовать на сердце учеников; 9. Благодаря обучению ученики должны получить навыки определенной ориентированности поведения; 10. Наиболее эффективным для реализации социальной цели обучения является обучение общественное, по сравнению с частным.

Наконец, важнейшими качествами педагога архиеп. Евсевий признает искренность и глубокую веру в свое дело, благодаря которым исполнение долга воспитателя становится радостным служением истине, людям и Богу. В итоге архиеп. Евсевий следующим образом обобщает требования к христианскому наставнику: «Учитель! старайся чрез частое и благонамеренное исследование тех истин, которые ты преподаешь детям, всегда глубже постигать их и более согреть ими свое сердце; старайся, чтобы твое поведение с каждым днем очевиднее согласовалось с правилами истины и долга; будь мужем молитвы, и каждый день оживляй твердую решимость,

по мере своих сил, быть полезным для учеников своих! Тогда не нужно будет притворяться и подделываться; тогда, при полноте твоего сердца, уста будут отверзаться сами собою, и ни одно твое слово не упадет на землю без пользы» (Орлинский, 1857, 484), — так увещевает архиеп. Евсевий учителей исполнять свой преподавательский долг. Как мы увидим, эта концепция имела влияние на развитие педагогики в 1850–1860 гг.

Одними из первых, кто взялся за разработку педагогических проблем, были С. С. Гогоцкий и П. Д. Юркевич. При том, что они еще не выделяют педагогику в некую нередуцируемую область знаний (скорее, междисциплинарным образом определяют ее), проблематика, связанная с воспитанием, оказывается включена ими в контекст, способствующий привлечению внимания к развитию этой дисциплины.

С. С. Гогоцкий, читавший курс педагогики в сер. 1850-х гг. в Киевском университете, рассматривает педагогику в прямой связи с нравственным богословием, однако не отождествляет одного с другим. «Наука воспитания со всеми своими отправлениями может и должна быть как бы споспешницею благодатного домостроительства Божия о благе человечества. Каковы бы ни были ее частные цели, они должны втекать в одну верховную цель нашего существования» (Гогоцкий, 1855, 42). Эта мысль получает свое дальнейшее развитие в двух отношениях: С. С. Гогоцкий рассматривает педагогику, исходя из точки зрения основы научного знания и из собственного основания педагогики — обе они фундированы богословием.

Всякое знание основано на идее Божественного мироправления, говорит С. С. Гогоцкий, что означает в итоге признание воли Божией как истинного источника, совершающегося в мире физическом и мире нравственном [Зеньковский, 1991, 116]. Педагогика не может изменить конституцию человеческого существа и привести к радикальным переменам в нем, ибо «в этом отношении один верховный Промыслитель мира есть вместе с Воспитателем человека» (Гогоцкий, 1855, 45). В данной мысли Гогоцкого сказывается древняя, высказанная Климентом Александрийским в «Педагоге» (III в.), христианская идея о Логосе-Педагоге, Боге-Воспитателе, Который руководит человеком ко спасению.

Кроме этой общей, формальной связи, Гогоцкий устанавливает также внутреннюю связь религии и педагогики. «Первый и самый необходимый источник для науки воспитания есть Богооткровенное учение Веры о назначении человека и об отношении его к Богу — своему Творцу и Промыслителю. <...> Указывая истинную цель жизни человеческой, описывая расстройство его природы, требующее нравственной борьбы, оно дает святые начала и живоносный дух науке воспитания» (Гогоцкий, 1855, 54–55). Данная формулировка прямо указывает на проект богословия, изложенный в работах митр. Макария (Булгакова), который определял содержание догматического богословия как учение об отношении Бога к человеку и миру, «которое выражается в двух действиях Божиих: творении и Промысле», а нравственного богословия — как учения о «нравственном Законе Божиим, который обязан исполнить человек-христианин» (Булгаков, 1852, 376–381; Орлинский, 1857, 507–510).

Таким образом, в основе педагогики и воспитательной практики, согласно как архиеп. Евсевию, так и С. С. Гогоцкому, лежит православное вероучение в его богословском выражении. Притом второй придает ему не только конститутивное, но и нормативное значение, поскольку оно также является мерилом тех нравственных идей, что привлекаются педагогией в свою область из философии и этики (Гогоцкий, 1855, 56). Поэтому ожидаемым является вывод Гогоцкого о том, что именно религиозное воспитание является той синтетической, соединяющей все аспекты педагогики инстанцией, что выражает ее сущность: «Религиозным воспитанием, сосредотачивающим отправление всех этих способностей, завершается общее учение о воспитании» (Гогоцкий, 1855, 61).

Один из воссоздателей философского образования в России П. Д. Юркевич публикует в 1865 г. «Чтения о воспитании» — запись «чтений педагогики в учительской

семинарии военного ведомства». Хотя они составляют лишь часть «дидактики», скорее общего порядка, чем разработанную систему, и в ней П. Д. Юркевич помещает значительный раздел «воспитания ума»: целые фрагменты из логики и психологии, показывающие становление способности мышления и оценки. Его теория менее систематически разработана, чем теория С. С. Гогоцкого.

Автором предлагается своеобразное понимание сути воспитания. «Христианское начало любви, требующее делать другому то, чего себе желаем от других, указывает эту цель: а) в самом духе воспитанника, б) в трех высших благах человечества, а именно: в церкви, в семействе и в государстве, в) в том будущем призвании, которое изберет сам воспитанник, когда он созреет умственно и нравственно» (Юркевич, 1865, 9). Таким образом, смотреть на воспитанника как сознательного человека и руководиться теми решениями, какие бы сделал он, если бы был на них способен — это задача педагога. В этом отношении Юркевич особенно внимательно рассматривает обязанности учителя при религиозном обучении (чему посвящено почти все XVII чтение).

Духовная жизнь развивается в человеке из сферы эмоционально-чувственной, «сердца» [Яковенко, 2003, 200–201], и переживания, связанные с мыслью о Боге, полагает Юркевич, это один из первых опытов, что возникает у ребенка, потому следует ценить и развивать данные истоки религиозности (Юркевич, 1865, 209). Именно здесь автор курса уделяет внимание тому, каким должен быть учитель, каков его нравственный облик.

Он выделяет ряд качеств, которые в учителе не должны быть терпимы:

1. Личное неверие, которое лишает слова учителя значения перед учениками и Богом, не должно быть терпимо вовсе. Если же сам учитель встречает затруднения внутреннего характера, то Юркевич предлагает больше заниматься Библией, чем разговорами на религиозные темы, что удержит и говорящего, и слушателей в пределах.

2. Мечтательность, т. е. неопределенность умонастроения и действие воображения, которые — в согласии с христианской традицией — признаются Юркевичем соблазном, что препятствует религиозной жизни человека в любом возрасте. Преодолением его является, согласно Юркевичу, с одной стороны, воздержание в суждениях о тайнах христианского учения, с другой стороны, исторические сведения по истории религии, что позволит обуздать излишнюю самоуверенность, ибо «везде личное мышление должно быть поверяемо опытом, а в предметах веры Откровение заменяет опыт. При таком обучении воспитывается в ученике, сверх того, доверие к авторитету всего человечества, и склонность поверять свой личный разум разумом всего человечества» (Юркевич, 1865, 218). Наконец, ясность и отчетливость догматических формул, которые должны усваиваться наизусть, приведет разум к твердости в понимании того, что составляет православное вероучение.

3. Неаккуратность в исполнении религиозного долга, молитвах, участии в богослужениях, а также неуместность и несвоевременность — все это также недостатки, которые должны быть устранены как через внимание учителя к тому, когда следует говорить о Боге и религиозных вопросах, так и через соблюдение религиозных обрядов, особенно в том, что касается участия в общих богослужениях, что дает учителю и ученикам чувство причастности к церковному сообществу.

Таким образом, в основу концепции религиозного воспитания, а также педагогики, как можно видеть, П. Д. Юркевичем кладется *принцип трезвения*, которое вмещается и в отношении самого себя, и в отношении учеников. Именно на этой основе вырастают два главных качества воспитателя: авторитетность и любовь, в которых, как мы видели, отражаются фундаментальные качества нравственного начала всякой жизни, так что П. Д. Юркевич прямо сравнивает отношение между воспитателем и воспитанниками с отношением между Богом и людьми (Юркевич, 1869, 64–65).

Развитое и продуманное учение о воспитании и духовно-нравственном развитии предложил прот. С. А. Соллертинский. Рассматривая возможность теоретического

осмысления дидактики в ее прикладном аспекте преподавания Закона Божьего и библейской истории, он приходит к выводу, что дидактика «есть уже не дело только, но бытие», и те, кто ею занимаются, «обязаны видеть и самым делом показывать, что предмет, которым они занимаются, есть бытие, и потому дидактическая задача их есть прежде всего задача исследовательная, а не прикладная, какую она была до известного времени» (Соллертинский, 1883, 229). Прот. С. А. Соллертинский указывает, что для эффективного осуществления педагогических целей педагог должен быть не только учителем, но и специалистом, и понимать, что за его прикладной задачей стоит более широкая задача познания тех сил, что управляют процессом обучения, что требует соответствующего теоретического фундамента и исследовательских подходов для разработки методов, приемов и техник обучения. Опираясь на теории А. Коменского, Дж. Локка и Ф. Гербарта, прот. С. А. Соллертинский приходит к выводу, что задача религиозного образования заключается в том, чтобы педагог отозвался на религиозное чувство ученика (которое, как считает автор, изначально присутствует в структуре его психики) и сформировал в соответствующем направлении его «образованный дух» (Соллертинский, 1883, 241), следующий развитию «естественной истории религиозного чувства» (Соллертинский, 1883, 242).

Таким образом, в сер. XIX в. в российской духовно-академической среде формируется систематический и последовательно обоснованный проект теологического истолкования воспитания и образования. Имея в виду конфессиональное воспитание и обучение, такие авторы, как архиеп. Евсевий (Орлинский), С. С. Гогоцкий, П. Д. Юркевич и другие, создали особые формы обоснования и развития педагогики, базирующиеся на признании центральной важности христианских нравственных начал и православного вероучения, на церковном опыте трезвения и любви, наконец, на утверждении практического характера живой церковной веры, которая должна стать основой морального сознания и воспитателей, и воспитанников, для осуществления высшей цели человеческой жизни. Их мы предлагаем назвать *теологией образования* [Шмонин, 2015, 206–221] (в отличие от ориентированной на специально-церковные вопросы *богословия* [Шмонин, 2014, 112–134]). Примечательность данных концепций состоит в их открытом характере, что позволяет рассматривать их теологический фундамент как дисциплинарно организованное богословское знание, необязательно направленное только на рассмотрение внутрицерковной сферы. При обращении богословского мышления к проблемам, для Церкви и ее веры формально внешним, «мы сталкиваемся с новыми „отраслями“, дисциплинами, направлениями исследования» [Шмонин, 2018, 50], которые обращены к максимально широкой («светской») аудитории. Эти концепции, поэтому, составляют уникальный опыт рефлексии над проблемами образования, где гармонично сочетаются ценностная, воспитательная и социальная составляющие.

Источники и литература

Источники

1. Знаменский (1821) — *Антоний (Знаменский), архиеп.* Опыт о воспитании в первых его понятиях и правилах. СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1821. 68, [2] с.
2. Орлинский (1857) — *Евсевий (Орлинский), архиеп.* О воспитании детей в духе христианского благочестия. Изд. 3-е, пересмотр. СПб.: Тип. Э. Праца, 1857. XVI, 510 с.
3. Булгаков (1852) — *Макарий (Булгаков), еп.* Введение в православное богословие. 2-е изд., испр. СПб.: Тип. Гр. Трусова, 1852. [4], 486, X с.
4. О воспитании (1760) — О воспитании детей. Господина Локка. Переведено с французского языка на русский проф. Николаем Поповским. М.: Унив. Тип., 1760. 250 с.

5. О воспитании (1763) — О воспитании девиц. Сочинение господина Фенелона. С французского языка перевел Иван Туманский. СПб., 1763. [7], 240 с.
6. Соллертинский (1883) — *Соллертинский С. А., прот.* Научно-педагогическая постановка вопроса о религиозном обучении // Христианское чтение. 1883. № 7–8. С. 226–245.
7. Юркевич (1865) — *Юркевич П. Д.* Чтения о воспитании. М.: Тип. Каткова, 1865. 272 с.
8. Юркевич (1869) — *Юркевич П. Д.* Курс общей педагогики. С приложениями. М.: Тип. Грачева и Ко., 1869. XVI, 404 с.

Литература

9. Бронзов (1901) — *Бронзов А. А.* Нравственное богословие в России в течение XIX столетия. СПб.: Тип. Лопухина, 1901. [4], 349 с.
10. Зеньковский (1991) — *Зеньковский В. В., прот.* История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л.: Эго, 1991. 280 с.
11. Каптерев (2004) — *Каптерев П. Ф.* История русской педагогики. СПб.: Алетейя, 2004. 560 с.
12. Плеханов (2003) — *Плеханов Е. А.* Педагогика в духовных академиях России // Педагогика: Научно-теоретический журнал. 2003. № 6. С. 81–86.
13. Шмонин (2014) — *Шмонин Д. В.* Богословие образования: контекстный поиск // Христианское чтение. 2014. № 5. С. 112–134.
14. Шмонин (2015) — *Шмонин Д. В.* Философия, теология и ценностно-смысловая сфера в образовании // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 4. С. 206–221.
15. Шмонин (2018) — *Шмонин Д. В.* Технология блага: очерки теологии образования. М.: Познание, 2018. 224 с.
16. Яковенко (2003) — *Яковенко Б. В.* История русской философии / пер. с чеш. Общ. ред. и посл. Ю. Н. Солодухина. М.: Республика, 2003. 510 с.

Hieromonk Afanasiy (Mikriukov). Theological Approaches to Education and Learning in Russian Pedagogy in the middle of the 19th Century.

Abstract: The article discusses the formation of a theological understanding of education and upbringing in the constructions of the Russian teachers of Ser. XIX century. Pedagogical concepts of Nikolai Pirogov, Konstantin Ushinsky and other major theorists are widely known, together with them, pedagogy developed within the framework of Russian theological schools. In the middle 19th century have emerged generalizing theories that would link issues of theology and education on the basis of Orthodox values foundation. The theology of education developed by the Archbishop Evseviy (Orlinsky), Sylvester Gogotsky, Pamfil Yurkevich and Rev. Sergey Sollertinsky, with huge historical and theoretical significance. It is shown that the Archbishop Eusebius (Orlinsky) defined the value of the moral and theological foundation of education. Sylvester Gogotsky and Pamfil Yurkevich addressed the relationship of the pedagogy with some theological problems, finally, Rev. Sergey Sollertinsky connected the pedagogy issues with the psychology of religion. These teaching, developing by the representatives of Russian religious thought, evolved beyond the immediate practical interests of theological schools, which allows them to be considered as universal theological theories of the education.

Keywords: theology, pedagogy, education, school, training, theory, Russian Orthodox Church, morality, values, spirituality.

Hieromonk Afanasiy (Mikriukov Dmitriy Yuryevich) — Postgraduate student, Sts. Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Study (afanasy.mikrukov@gmail.com).

Sources and References

Sources

1. Znamenskiy (1821) — Antoniy (Znamenskiy), archbishop. *Opyt o vospitanii v pervykh ego ponyatiyakh i pravilakh* [Essays on Education in its primes notions and rules]. Saint Petersburg: Tip. Ioannesova, 1821, 68 + [2] pp. (In Russian).
2. Orlinskiy (1857) — Evseviy (Orlinskiy), archbishop. *O vospitanii detey v dukhe khristianskogo blagochestiya* [On Education of children in Christian Piety]. 3rd ed, reviewed. Saint Petersburg: Tip. Pratsa, 1857, XVI + 510 p. (In Russian).
3. Bulgakov (1852) — Makariy (Bulgakov), bishop. *Vvedeniye v pravoslavnoye bogosloviye* [Principles of Orthodox Theology]. 2nd ed. Saint Petersburg: Tip. Trusova, 1852, [4] + 486 + X p. (In Russian).
4. O vospitanii (1760) — *O vospitanii detey. Gospodina Lokka. Perevedeno s frantsuzskogo yazyka na russkiy prof. Nikolayem Popovskim* [On education of children. By Mr. Locke. Translated from French to Russian by Prof. Nicolay Popovsky]. Moscow: Universitetskaya Tipografiya, 1760, 250 p. (Russian translation).
5. O vospitanii (1763) — *O vospitanii devits. Sochineniye gospodina Fenelona. S frantsuzskogo yazyka perevodil Ivan Tumanskiy* [On education of girls. Book by Mr. Fenelon. Translation from French to Russian by Ivan Tumanskiy]. Saint Petersburg, 1763. [7] + 240 p. (Russian translation).
6. Sollertinskiy (1883) — Sollertinskiy S. A., archpriest. Nauchno-didakticheskaya postanovka voprosa o religioznom obuchenii [Scientific and didactic position of the question about religious education]. *Khristianskoye Chteniye*, 1883, no. 7–8, pp. 226–245. (In Russian).
7. Yurkevich (1865) — Yurkevich P. D. *Chteniya o vospitanii* [Lectons about Education]. Moscow: Tip. Katkova, 1865, 272 p. (In Russian).
8. Yurkevich (1869) — Yurkevich P. D. *Kurs obshchey pedagogiki. S prilozheniyami* [Course of General Pedagogy. With Supplements]. Moscow: Tip. Gracheva & Co, 1869, XVI + 404 p. (In Russian).

References

9. Bronzov (1901) — Bronzov A. A. *Nravstvennoye bogosloviye v Rossii v techeniye XIX stoletiya* [Moral Theology in Russia in 19th century]. Saint Petersburg: Lopukhin, 1901, [4] + 349 p. (In Russian).
10. Zen'kovskiy (1991) — Zen'kovskiy V. V., archpriest. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Vol. 1, part 2. Leningrad: Ego, 1991, 280 p. (In Russian).
11. Kapterev (2004) — Kapterev P. F. *Istoriya russkoy pedagogii* [History of Russian Pedagogy]. Saint Petersburg: Aleteyya, 2004, 560 p. (In Russian).
12. Plekhanov (2003) — Plekhanov E. A. Pedagogika v dukhovnykh akademiakh Rossii [Pedagogy in Russian Theological Academies]. *Pedagogika: Nauchno-teoreticheskiy zhurnal*, 2003, no. 6, pp. 81–86. (In Russian).
13. Shmonin (2014) — Shmonin D. V. Bogosloviye obrazovaniya: kontekstnyy poisk [Theology of Education: A Contextual Search]. *Khristianskoye Chteniye*, 2014, no. 5, pp. 112–134. (In Russian).
14. Shmonin (2015) — Shmonin D. V. Filosofiya, teologiya i tsennostno-smyslovaya sfera v obrazovanii [Philosophy, Theology and Axiological Sphere in Education]. *Vestnik RKhGA*, 2015, vol. 16, no. 4, pp. 206–221. (In Russian).
15. Shmonin (2018) — Shmonin D. V. *Tekhnologiya blaga: ocherki teologii obrazovaniya* [Technology of Good: Essays on theology of Education]. Moscow: Poznaniye, 2018, 224 p. (In Russian).
16. Yakovenko (2003) — Yakovenko B. V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Respublika, 2003, 510 p. (Russian translation).